
Малое
собрание
сочинений

Трумен КАПОТЕ

Малое
собрание
сочинений

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 20

Truman Capote
BREAKFAST AT TIFFANY'S
Copyright © 1958 by Truman Capote
THE GRASS HARP
Copyright © 1951 by Truman Capote
THE COMPLETE STORIES OF TRUMAN CAPOTE
Copyright © 2004 by The Truman Capote Literary Trust
This translation published by arrangement with Random House,
a division of Penguin Random House LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Олега Алякринского, Владимира Бабкова, Виктора Гольшера,
Григория Дашевского, Елены Калявиной, Раисы Облонской,
Елены Петровой, Инны Стам, Елены Суриц, Сергея Таска

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Виктории Манацковой

© О. А. Алякринский, перевод, 2015
© В. О. Бабков, перевод, 1999
© В. П. Гольшев, перевод, 1965, 2007
© Г. М. Дашевский (наследник), перевод, 2001
© Е. Ю. Калявина, перевод, 2015
© Р. Е. Облонская (наследники), перевод, 1968
© Е. С. Петрова, перевод, 2015
© И. С. Стам, перевод, 2001
© Е. А. Суриц (наследник), перевод, 2001
© Сергей Таск, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09088-0

Завтрак у Тиффани

Меня всегда тянет к тем местам, где я когда-то жил, к домам, к улицам. Есть, например, большой темный дом на одной из семидесятих улиц Ист-Сайда, в нем я поселился в начале войны, впервые приехав в Нью-Йорк. Там у меня была комната, заставленная всякой рухлядью: диваном, пузатыми креслами, обитыми шершавым красным плюшем, при виде которого вспоминаешь душный день в мягком вагоне. Стены были выкрашены клеевой краской в цвет табачной жвачки. Повсюду, даже в ванной, висели гравюры с римскими развалинами, конопатые от старости. Единственное окно выходило на пожарную лестницу. Но все равно, стоило мне нащупать в кармане ключ, как на душе у меня становилось веселее: жилье это, при всей его унылости, было моим первым собственным жильем, там стояли мои книги, стаканы с карандашами, которые можно было чинить, — словом, все, как мне казалось, чтобы сделаться писателем.

В те дни мне и в голову не приходило писать о Холли Голайтли, не пришло бы, наверно, и теперь, если бы не разговор с Джо Беллом, который снова расшевелил мои воспоминания.

Холли Голайтли жила в том же доме, она снимала квартиру подо мной. А Джо Белл держал бар за углом, на Лексингтон-авеню; он и теперь его держит. И Холли, и я заходили туда раз по шесть, по семь на дню не затем, чтобы выпить, — не только за этим, — а чтобы позвонить по телефону: во время войны трудно было поставить себе телефон.

К тому же Джо Белл охотно выполнял поручения, а это было обременительно: у Холли их всегда находилось великое множество.

Конечно, все это давняя история, и до прошлой недели я не виделся с Джо Беллом несколько лет. Время от времени мы созванивались; иногда, оказавшись поблизости, я заходил к нему в бар, но приятелями мы никогда не были, и связывала нас только дружба с Холли Голайтли. Джо Белл — человек нелегкий, он это сам признает и объясняет тем, что он холостяк и что у него повышенная кислотность. Всякий, кто его знает, скажет вам, что общаться с ним трудно. Просто невозможно, если вы не разделяете его привязанностей, а Холли — одна из них. Среди прочих — хоккей, веймарские охотничьи собаки, «Наша детка Воскресенье» (передача, которую он слушает пятнадцать лет) и Гилберт и Салливан¹ — он утверждает, будто кто-то из них ему родственник, не помню, кто именно.

Поэтому, когда в прошлый вторник, ближе к вечеру, зазвонил телефон и послышалось: «Говорит Джо Белл», я сразу понял, что речь пойдет о Холли. Но он сказал только: «Можете ко мне заскочить? Дело важное», и квакающий голос в трубке был сиплым от волнения.

Под проливным дождем я поймал такси и по дороге даже подумал: а вдруг она здесь, вдруг я снова увижу Холли?

Но там не было никого, кроме хозяина. Бар Джо Белла не очень людное место по сравнению с другими пивными на Лексингтон-авеню. Он не может похвастаться ни неоновой вывеской ни телевизором. В двух старых зеркалах видно, какая на улице погода, а позади стойки, в нише, среди фотографий хоккейных звезд, всегда стоит большая ваза со свежим букетом — их любовно составляет сам Джо Белл. Этим он и занимался, когда я вошел.

¹ Уильям Гилберт (1836–1917) — английский поэт и драматург. Артур Салливан (1842–1900) — английский композитор. Авторы популярных комических опер. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Сами понимаете, — сказал он, опуская в воду гладиолус, — сами понимаете, я не заставил бы вас тащиться в такую даль, но мне нужно знать ваше мнение. Странная история! Очень странная приключилась история.

— Вести от Холли?

Он потрогал листок, словно раздумывая, что ответить. Невысокий, с жесткими седыми волосами, выступающей челюстью и костлявым лицом, которое подошло бы человеку много выше ростом, он всегда казался загорелым, а теперь покраснел еще больше.

— Нет, не совсем от нее. Вернее, это пока непонятно. Поэтому я и хочу с вами посоветоваться. Давайте я вам налью. Это новый коктейль, «Белый ангел», — сказал он, смешивая пополам водку и джин, без вермута.

Пока я пил этот состав, Джо Белл стоял рядом и сосал желудочную таблетку, прикидывая, что он мне скажет. Наконец сказал:

— Помните такого мистера И. Я. Юниоши? Господинчика из Японии?

— Из Калифорнии.

Мистера Юниоши я помнил прекрасно. Он фотограф в иллюстрированном журнале и в свое время занимал студию на верхнем этаже того дома, где я жил.

— Не путайте меня. Знаете вы, о ком я говорю? Ну и прекрасно. Так вот, вчера вечером заявляется сюда этот самый мистер И. Я. Юниоши и подкатывается к стойке. Я его не видел, наверно, больше двух лет. И где, по-вашему, он пропадал все это время?

— В Африке.

Джо Белл перестал сосать таблетку, и глаза его сузились.

— А вы почему знаете?

— Прочел у Уинчелла¹. — Так оно и было на самом деле. Он с треском выдвинул ящик кассы и достал конверт из толстой бумаги.

¹ Уолтер Уинчелл (1897–1972) — американский журналист.

— Может, вы и это прочли у Уинчелла?

В конверте было три фотографии, более или менее одинаковые, хотя и снятые с разных точек: высокий, стройный негр, в ситцевой юбке с застенчивой и вместе с тем самодовольной улыбкой, показывал странную деревянную скульптуру — удлинённую голову девушки с короткими, приглаженными, как у мальчишки, волосами и сужающимся книзу лицом; ее полированные деревянные, с косым разрезом глаза были необычайно велики, а большой, резко очерченный рот походил на рот клоуна. На первый взгляд скульптура напоминала обычный примитив, но только на первый, потому что это была вылитая Холли Голайтли — если можно так сказать о темном неодушевленном предмете.

— Ну, что вы об этом думаете? — произнес Джо Белл, довольный моим замешательством.

— Похоже на нее.

— Слушайте-ка, — он шлепнул рукой по стойке, — это она и есть. Это ясно как божий день. Японец сразу ее узнал, как только увидел.

— Он ее видел? В Африке?

— Ее? Нет, только скульптуру. А какая разница? Можете сами прочесть, что здесь написано. — И он перевернул одну из фотографий. На обороте была надпись: «Резьба по дереву, племя С, Тококул, Ист-Англия. Рождество, 1956». — Японец вот что говорит... — начал он, и дальше последовала такая история.

На Рождество мистер Юниоши проезжал со своим аппаратом через Тококул, деревню, затерянную неведомо где, да и не важно где, — просто десяток глинобитных хижин с мартышками во дворах и сарычами на крышах. Он решил не останавливаться, но вдруг увидел негра, который сидел на корточках у двери и вырезал на трости обезьян. Мистер Юниоши заинтересовался и попросил показать ему еще что-нибудь. После чего из дома вынесли женскую головку, и ему почудилось — так он сказал Джо Беллу, — что все это

сон. Но когда он захотел ее купить, негр сказал: «Нет». Ни фунт соли и десять долларов, ни два фунта соли, ручные часы и двадцать долларов — ничто не могло его поколебать. Мистер Юниоши решил хотя бы выяснить происхождение этой скульптуры, что стоило ему всей его соли и часов. История была ему изложена на смеси африканского, тарабарского и языка глухонемых. В общем, получалось так, что весной этого года трое белых людей появились из зарослей верхом на лошадях. Молодая женщина и двое мужчин. Мужчины, дрожавшие в ознобе, с воспаленными от лихорадки глазами, были вынуждены провести несколько недель взаперти в отдельной хижине, а женщине понравился резчик, и она стала спать на его циновке.

— Вот в это я не верю, — брезгливо сказал Джо Белл. — Я знаю, у нее всякие бывали причуды, но до этого она бы вряд ли дошла.

— А потом что?

— А потом ничего. — Он пожал плечами. — Ушла, как и пришла, — уехала на лошади.

— Одна или с мужчинами?

Джо Белл моргнул:

— Кажется, с мужчинами. Ну а японец, он повсюду о ней спрашивал. Но никто больше ее не видел. — И, словно испугавшись, что мое разочарование может передаться ему, добавил: — Но одно вы должны признать: сколько уже лет прошло, — он стал считать по пальцам, их не хватило, — а это первые достоверные сведения. Я только надеюсь, что она хотя бы разбогатела. Наверно, разбогатела. Иначе вряд ли будешь разъезжать по Африкам.

— Она, наверно, Африки и в глаза не видела, — сказал я совершенно искренне; но все же я мог себе ее представить в Африке: Африка — это в ее духе. — Да и головка из дерева... — Я опять посмотрел на фотографии.

— Все-то вы знаете. Где же она сейчас?

— Умерла. Или в сумасшедшем доме. Или замужем. Скорей всего, вышла замуж, утихомирилась и, может, живет тут, где-нибудь рядом с нами.

Он задумался.

— Нет, — сказал он и покачал головой. — Я вам скажу почему. Если бы она была тут, я бы ее встретил. Возьмите человека, который любит ходить пешком, человека вроде меня; и вот ходит этот человек по улицам уже десять или двенадцать лет, а сам только и думает, как бы ему не проглядеть кое-кого, и так ни разу ее не встречает, — разве не ясно, что в этом городе она не живет? Я все время вижу женщин, чем-то на нее похожих... То плоский маленький задок... Да любая худая девчонка с прямой спиной, которая ходит быстро... — Он замолчал, словно желая убедиться, внимательно ли я его слушаю. — Думаете, я спятил?

— Просто я не знал, что вы ее любите. Так любите.

Я пожалел о своих словах — они привели его в замешательство. Он сгреб фотографии и сунул в конверт. Я посмотрел на часы. Спешить мне было некуда, но я решил, что лучше уйти.

— Пойдите, — сказал он, схватив меня за руку. — Конечно, я ее любил. Не то чтобы я хотел с ней... — И без улыбки добавил: — Не скажу, чтобы я вообще об этом не думал. Даже и теперь, а мне шестьдесят семь будет десятого января. И что странно: чем дальше, тем больше эти дела у меня на уме. Я помню, даже мальчишкой столько об этом не думал. А теперь — без конца. Наверно, чем старше становишься и чем трудней это дается, тем тяжелее давит на мозги. И каждый раз, когда в газетах пишут, как опозорился какой-нибудь старик, я знаю: все от таких мыслей. Только я себя не опозорю. — Он налил себе виски и, не разбавив, выпил. — Честное слово, о Холли я никогда так не думал. Можно любить и без этого. Тогда человек будет вроде посторонним — посторонним, но другом.

В бар вошли двое, и я решил, что теперь самое время уйти. Джо Белл проводил меня до двери. Он снова схватил меня за руку:

— Верите?

— Что вы о ней так не думали?

— Нет, про Африку.

Тут мне показалось, что я ничего не помню из его рассказа, только как она уезжает на лошади.

— В общем, ее нет.

— Да, — сказал он, открывая дверь. — Нет, и все.

Ливень кончился, от него осталась только водяная пыль в воздухе, и, свернув за угол, я пошел по улице, где стоит мой бывший дом. На этой улице растут деревья, от которых летом на тротуаре лежат прохладные узорчатые тени; но теперь листья были желтые, почти все облетели и, раскиснув от дождя, скользили под ногами. Дом стоит посреди квартала, сразу за церковью, на которой синие башенные часы отбивают время. С тех пор как я там жил, его подновили: нарядная черная дверь заменила прежнюю, с матовым стеклом, а окна украсились изящными серыми ставнями. Все, кого я помню, из дома уехали, кроме мадам Сапфии Спанеллы, охрипшей колоратуры, которая каждый день каталась на роликах в Центральном парке. Я знаю, что она еще там живет, потому что поднялся по лестнице и посмотрел на почтовые ящики. По одному из этих ящиков я и узнал когда-то о существовании Холли Голайтли.

Я прожил в этом доме около недели, прежде чем заметил, что на почтовом ящике квартиры № 2 прикреплена странная карточка, напечатанная красивым строгим шрифтом. Она гласила: «Мисс Холидей Голайтли», и в нижнем углу: «Путешествует». Эта надпись привязалась ко мне, как мотив: «Мисс Холидей Голайтли. Путешествует».

Однажды поздно ночью я проснулся оттого, что мистер Юниоши что-то кричал в пролет лестницы. Он жил на верхнем этаже, и голос его, строгий и сердитый, разносился по всему дому:

— Мисс Голайтли! Я должен протестовать!

Ребячливый, беззаботно-веселый голос ответил снизу:

— Миленький, простите! Я опять потеряла этот дурацкий ключ.

— Пожалуйста, не надо звонить в мой звонок. Пожалуйста, сделайте себе ключ!

— Да я их все время теряю.

— Я работаю, я должен спать, — кричал мистер Юниоши. — А вы все время звоните в мой звонок!

— Миленький вы мой, ну зачем вы сердитесь? Я больше не буду. Пожалуйста, не сердитесь. — Голос приближался, она поднималась по лестнице. — Тогда я, может, дам вам сделать снимки, о которых мы говорили.

К этому времени я уже встал с кровати и на палец приотворил дверь. Слышно было, как молчит мистер Юниоши, — слышно по тому, как изменилось его дыхание.

— Когда?

Девушка засмеялась.

— Когда-нибудь, — ответила она невнятно.

— Буду ждать, — сказал он и закрыл дверь.

Я вышел и облокотился на перила так, чтобы увидеть ее, а самому остаться невидимым. Она еще была на лестнице, но уже поднялась на площадку, и на разноцветные — рыжеватые, соломенные и белые — пряди ее мальчишечьих волос падал лестничный свет. Ночь стояла теплая, почти летняя, и на девушке было узкое легкое черное платье, черные сандалии и жемчужное ожерелье. При всей ее модной худобе от нее веяло здоровьем, мыльной и лимонной свежестью и на щеках темнел деревенский румянец. Рот у нее был большой, нос — вздернутый. Глаза прятались за темными очками. Это было лицо уже не ребенка, но еще и не женщины. Я мог ей дать и шестнадцать, и тридцать лет. Как потом оказалось, ей двух месяцев не хватало до девятнадцати.

Она была не одна. Следом за ней шел мужчина. Его пухлая рука прилипла к ее бедру, и выглядело это непристойно — не с моральной, а с эстетической точки зрения. Это был коротконогий толстяк в полосатом костюме с ватными плечами, напомаженный, красный от искусственного зага-

ра, и в петлице у него торчала полужасохшая гвоздика. Когда они подошли к ее двери, она стала рыться в сумочке, отыскивая ключ и не обращая внимания на то, что его толстые губы присосались к ее затылку. Но, найдя наконец ключ и открыв дверь, она обернулась к нему и приветливо сказала:

— Спасибо, дорогой, что проводили, — вы ангел.

— Эй, детка! — крикнул он, потому что дверь закрывалась перед его носом.

— Да, Гарри?

— Гарри — это другой. Я — Сид. Сид Арбак. Ты же меня любишь.

— Я вас обожаю, мистер Арбак. Спокойной ночи, мистер Арбак.

Мистер Арбак недоуменно глядел на запертую дверь.

— Эй, пусти меня, детка. Ты же меня любишь. Меня все любят. Разве я не заплатил по счету за пятерых твоих друзей, а я их и в глаза раньше не видел! Разве это не дает мне права, чтобы ты меня любила? Ты же меня любишь, детка!

Он постучал сначала тихо, потом громче, потом отступил на несколько шагов и пригнулся, словно собираясь ринуться на дверь и выломать ее. Но вместо этого он ринулся вниз по лестнице, колотя по стене кулаком. Едва он спустился вниз, как дверь ее квартиры приоткрылась и оттуда высунулась голова.

— Мистер Арбак!..

Он повернул назад, и на лице его расплылась улыбка облегчения — ага, она просто его дразнила.

— В другой раз, когда девушке понадобится мелочь для уборной, — она и не собиралась его дразнить, — послушайте моего совета, не давайте ей всего двадцать центов!

Она сдержала свое обещание мистеру Юниоши и, видимо, перестала трогать его звонок, потому что с этого дня начала звонить мне — иногда в два часа ночи, иногда в три,

иногда в четыре; ей было безразлично, когда я вылезу из постели, чтобы нажать кнопку, отпирающую входную дверь. Друзей у меня было мало, и ни один из них не мог приходить так поздно, поэтому я всегда знал, что это она. Но первое время я подходил к своей двери, боясь, что это телеграмма, дурные вести, а мисс Голайтли кричала снизу: «Простите, милый, я забыла ключ».

Мы, конечно, так и не познакомились. Правда, мы часто сталкивались то на лестнице, то на улице, но казалось, она меня не замечает. Она всегда была в темных очках, всегда подтянута, просто и со вкусом одета; глухие серые и голубые тона оттеняли ее броскую внешность. Ее можно было принять за манекенщицу или молодую актрису, но по ее образу жизни было ясно, что ни для того, ни для другого у нее нет времени.

Иногда я встречал ее и вдали от дома. Однажды приезжий родственник пригласил меня в «21», и там, за лучшим столиком, в окружении четырех мужчин — среди них не было мистера Арбака, хотя любой из них мог бы за него сойти, — сидела мисс Голайтли и лениво, на глазах у всех причесывалась; выражение ее лица, еле сдерживаемый зевок умерили и мое почтение к этому шикарному месту. В другой раз, вечером, в разгар лета, жара выгнала меня из дому. По Третьей авеню я дошел до Пятьдесят первой улицы, где в витрине антикварного магазина стоял предмет моих вожделений — птичья клетка в виде мечети с минаретами и бамбуковыми комнатками, пустовавшими в ожидании говорливых жильцов — попугаев. Но цена ей была триста пятьдесят долларов. По дороге домой, перед баром Кларка, я увидел целую толпу таксистов, собравшуюся вокруг веселой хмельной компании австралийских офицеров, которые распевали «Вальс Матильды». Австралийцы кружились по очереди с девушкой, и девушка эта — кто же, как не мисс Голайтли! — порхала по булыжнику под сенью надземки, легкая, как шаль.

Но если она о моем существовании не подозревала и воспринимала меня разве что в качестве швейцара, то я за лето узнал о ней почти все. Мусорная корзина у ее двери сообщила мне, что чтение мисс Голайтли составляют бульварные газеты, туристские проспекты и гороскопы, что курит она любительские сигареты «Пикиюн», питается сыром и поджаренными хлебцами и что пестрота ее волос — дело ее собственных рук. Тот же источник открыл мне, что она пачками получает письма из армии. Они всегда были разорваны на полоски вроде книжных закладок. Проходя мимо, я иногда выдергивал себе такую закладку. «Помнишь», «скучаю по тебе», «дождь», «пожалуйста, пиши», «сволочной», «проклятый» — эти слова встречались чаще всего на обрывках и еще — «одинок» и «люблю».

Она играла на гитаре и держала кошку. В солнечные дни, вымыв голову, она выходила вместе с этим рыжим тигровым котом, садилась на площадку пожарной лестницы и брэнчала на гитаре, пока не просохнут волосы. Услышав музыку, я потихоньку становился у окна. Играла она очень хорошо, а иногда пела. Пела хриплым, ломким, как у подростка, голосом. Она знала все ходовые песни: Кола Портера, Курта Вайля и особенно любила мелодии из «Оклахомы», которые тем летом пелись повсюду. Но порой я слышал такие песни, что поневоле спрашивал себя, откуда она их знает, из каких краев она родом. Грубовато-нежные песни, слова которых отдавали прериями и сосновыми лесами. Одна была такая: «Эх, хоть раз при жизни, да не во сне, по лугам по райским погулять бы мне», — и эта, наверно, нравилась ей больше всех, потому что, бывало, волосы ее давно высохнут, солнце спрячется, зажгутся в сумерках окна, а она все поет ее и поет.

Однако знакомство наше состоялось только в сентябре, в один из тех вечеров, когда впервые потянуло пронзительным осенним холодком. Я был в кино, вернулся домой и залез в постель, прихватив стаканчик с виски и последний

роман Сименона. Все это как нельзя лучше отвечало моим представлениям об уюте, и тем не менее я испытывал непонятное беспокойство. Постепенно оно до того усилилось, что я стал слышать удары собственного сердца. О таком ощущении я читал, писал, но никогда его прежде не испытывал. Ощущение, что за тобой наблюдают. Что в комнате кто-то есть. И вдруг — стук в окно, что-то призрачно-серое за стеклом, — я пролил виски. Прошло еще несколько секунд, прежде чем я решился открыть окно и спросить у мисс Голайтли, чего она хочет.

— У меня там жуткий человек, — сказала она, ставя ногу на подоконник. — Нет, трезвый он очень мил, но стоит ему налакаться — *bon Dieu*¹ — какая скотина! Не выношу, когда мужик кусается. — Она спустила серый фланелевый халат с плеча и показала мне, что бывает, когда мужчина кусается. Кроме халата, на ней ничего не было. — Извините, если и вас напугала. Этот скот мне до того надоел, что я просто вылезла в окно. Он думает, наверно, что я в ванной, да наплевать мне, что он думает, ну его к свиньям, устанет — завалится спать, поди не завались: до обеда восемь martinis, а потом еще вино — хватило бы слона выкупать. Слушайте, можете меня выгнать, если вам хочется. Это наглость с моей стороны — вваливаться без спросу. Но там, на лестнице, адский холод. А вы так уютно устроились. Как мой брат Фред. Мы всегда спали вчетвером, но когда ночью бывало холодно, он один позволял прижиматься. Кстати, можно вас звать Фредом?

Теперь она окончательно вошла в комнату — стояла у окна и глядела на меня. Раньше я ее не видел без темных очков, и теперь мне стало ясно, что они с диоптриями: глаза смотрели с прищуром, как у ювелира-оценщика. Глаза были огромные, зеленовато-голубые, с коричневой искоркой — разноцветные, как и волосы, и, так же как волосы, излучали ласковый, теплый свет.

¹ Боже мой (*фр.*).

— Вы, наверно, думаете, что я очень наглая. Или *très fou*¹. Или еще что-нибудь.

— Ничего подобного.

Она, казалось, была разочарована.

— Нет, думаете. Все так думают. А мне все равно. Это даже удобно. — Она села в шаткое плюшевое кресло, подогнула под себя ноги и, сильно щурясь, окинула взглядом комнату. — Как вы можете здесь жить? Ну прямо комната ужасов.

— А, ко всему привыкаешь, — сказал я, досадуя на себя, потому что на самом деле я гордился этой комнатой.

— Я — нет. Я никогда ни к чему не привыкаю. А кто привыкает, тому спокойно можно умирать. — Она снова обвела комнату неодобрительным взглядом. — Что вы здесь делаете целыми днями?

Я показал на стол, заваленный книгами и бумагой.

— Пишу кое-что...

— Я думала, что писатели все старые. Сароян, правда, не старей. Я познакомилась с ним на одной вечеринке, и оказывается, он совсем даже не старей. В общем, — она задумалась, — если бы он почаще брился... Кстати, а Хемингуэй — старей?

— Ему, пожалуй, за сорок.

— Подходяще. Меня не интересуют мужчины моложе сорока двух. Одна моя знакомая идиотка все время уговаривает меня сходить к психоаналитику, говорит, у меня эдипов комплекс. Но это все *merde*². Я просто приучила себя к пожилым мужчинам, и это самое умное, что я сделала в жизни. Сколько лет Сомерсету Моэму?

— Не знаю точно. Шестьдесят с лишним.

— Подходяще. У меня ни разу не было романа с писателем. Нет, постойте, Бенни Шаклетта вы знаете?

Она нахмурилась, когда я помотал головой.

¹ Совсем сумасшедшая (*фр.*).

² Бред, дерьмо (*фр.*).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВТРАК У ТИФФАНИ. <i>Перевод В. Гольшиева</i>	5
ГОЛОСА ТРАВЫ. <i>Перевод С. Таска</i>	91
ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ В ЭДЕМ	
<i>Полное собрание рассказов</i>	
Такие холодные стены. <i>Перевод О. Алякринского</i>	209
Шуба из настоящей норки. <i>Перевод О. Алякринского</i>	215
Положение вещей. <i>Перевод О. Алякринского</i>	222
Бутылка серебра. <i>Перевод Е. Петровой</i>	227
Мириам. <i>Перевод Е. Петровой</i>	246
Я тоже не промах. <i>Перевод Е. Петровой</i>	262
Суеверие Причера. <i>Перевод О. Алякринского</i>	276
Дерево ночи. <i>Перевод Е. Суриц</i>	293
Ястреб без головы. <i>Перевод И. Стам</i>	307
Закрой последнюю дверь. <i>Перевод В. Бабкова</i>	339
Дети в день рождения. <i>Перевод Е. Петровой</i>	358
Злой Дух. <i>Перевод Р. Облонской</i>	382
Выгодная покупка. <i>Перевод О. Алякринского</i>	407
Бриллиантовая гитара. <i>Перевод Е. Суриц</i>	416
Цветочный дом. <i>Перевод Г. Дашевского</i>	428
Воспоминание о Рождестве. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	444
Средь дорожек, ведущих в Эдем. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	461
Гость на День благодарения. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	478
Мохаве. <i>Перевод В. Гольшиева</i>	508
Как я провел одно Рождество. <i>Перевод О. Алякринского</i>	529

Капоте Т.

К 20 Малое собрание сочинений / Трумен Капоте ; пер. с англ. О. Алякринского, В. Бабкова, В. Гольшева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с.

ISBN 978-5-389-09088-0

«Трумен Капоте — стилист высочайшего класса... надежда современной литературы», — писал Сомерсет Моэм. А Норман Мейлер говорил: «Трумен Капоте — лучший писатель нашего поколения, — и добавлял: — В „Завтраке у Тиффани“ я не изменил бы ни слова, этой книге суждено стать классикой». В данный том входят и «Завтрак у Тиффани» (самое знаменитое произведение Капоте, прославленное в 1961 году экранизацией с Одри Хепберн в главной роли), и лирическая повесть «Голоса травы», и полное собрание рассказов этого выдающегося мастера американской литературы XX века.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТРУМЕН КАПОТЕ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.11.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMS-17102-01-R